

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.48.32.003

Роль институтов гражданского общества в социальной поддержке граждан в период пандемии коронавируса

Омаров Мурадгаджи Омарович

Кандидат политических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: Omarov@mail.ru

Камилова Марьям Магомедовна

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: Omarov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются роль и значение гражданского общества России в период распространения эпидемии коронавируса. Авторы называют пандемию коронавируса кризисом, поскольку для более детальной оценки ее развития и влияния на общественную систему необходимо отталкиваться от понимания этого явления как кризиса, затрагивающего все сферы жизни общества. Для адаптации населения к кризисным условиям пандемии на региональном уровне применялись главным образом немонетарные меры. В процессе развития второй и ожидания третьей волны пандемии ставка делалась на максимальное сохранение экономической активности населения за счет отказа от введения новых карантинных мер. Предполагалось, что сохранение деловой активности позволит выйти на траекторию восстановительного роста без дополнительных затрат бюджета. В статье отмечается, что в новых условиях социально-экономического развития важную роль сыграли институты гражданского общества. На примере деятельности благотворительных организации показана значимость работы общественных организации в минимизации рисков социальных кризисов.

Для цитирования в научных исследованиях

Омаров М.О., Камилова М.М. Роль институтов гражданского общества в социальной поддержке граждан в период пандемии коронавируса // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 3А. С. 30-35. DOI: 10.34670/AR.2022.48.32.003

Ключевые слова

Гражданское общество, институты гражданского общества, пандемия, политика, благотворительность.

Введение

Пандемия коронавируса, охватившая практически все страны мира в конце второго десятилетия, в начале третьего вызвала к жизни различные подходы к роли кризисных явлений в жизни общества. Одни оценивают ее как однозначно негативное явление в жизни общества, другие – как фактор стабилизации и мобилизации ресурсов общества для преодоления кризиса и выхода на качественно новый уровень взаимодействия различных сфер жизнедеятельности. Мы называем пандемию коронавируса кризисом, поскольку для более детальной оценки ее развития и влияния на общественную систему нам необходимо отталкиваться от понимания этого явления как кризиса, затрагивающего все сферы жизни общества. В широкий обиход вошло понятие «коронакризис», поддержанное многими СМИ и официальными должностными лицами.

Мы можем констатировать, что, как и большинство кризисов, коронакризис обладает уникальностью и может быть классифицирован, как и те кризисы, которые возникали в истории человечества регулярно. Любые кризисы в истории человечества демонстрировали сложившееся положение, не могут быть урегулированы в рамках возникших за последние годы взаимоотношений и стимулировали поиск новых решений и компетенций для ускоренного выхода из сложной социально-экономической ситуации, опираясь на имеющиеся в обществе ресурсы. В этом и заключается положительное значение кризисов.

Основная часть

Характерной особенностью современного периода развития является то, что различного рода кризисы стали постоянными и продолжительными. Увеличению количества кризисных явлений способствуют развитие новых производственных технологий, ухудшение экологии и изменение климата на планете, разрушительные силы стихийных бедствий и катастроф. Также необходимо отметить негативное воздействие глобализации, связанное с политическими, экономическими и другими противоречиями между странами.

По мнению Р. Дарендорфа, «конфликты являются всепронизывающими компонентами существования общества. Их невозможно устранить даже самыми разумными действиями, с ними нужно считаться как с объективной реальностью. Но эта реальность зачастую носит положительный характер: конфликт выступает источником инноваций и социальных перемен. Конфликты не позволяют стагнировать обществу, ибо постоянно создают напряжение, в которое необходимо включаться» [Dahrendorf, 1988].

М. Амстутц считает, что «во многих случаях конфликт вреден, так как ведет к беспорядку и нестабильности, замедляет и затрудняет принятие решения. Однако конфликт также поощряет творчество и инновации, проясняет позиции и интересы его участников, помогает установить среди них неформальную иерархию, что сдерживает более серьезные конфликты» [Amstutz, 1982].

Признавая, что кризисные явления в жизни общества могут произойти в различных сферах жизнедеятельности и отраслях хозяйства, мы акцентируем внимание на кризисах, связанных со здоровьем людей, а именно: массовом заболевании населения, вспышках эпидемий глобального масштаба.

В данной статье рассматриваются социальные изменения, вызванные пандемией коронавируса. Анализируются различные действия адаптационного характера общественных

институтов наравне с государственными органами, которые предпринимались последними в период распространения пандемии.

В самом начале распространения пандемии коронавируса правительство перешло к активным мерам по стабилизации ситуации в части информирования граждан об особенностях протекания заболевания, необходимым мерах по минимизации распространения, государственной поддержке населения. Декларировалась и реализовывалась частичная и адресная поддержка как отраслей бизнеса, так и граждан персонально.

С самого начала пандемии гражданское общество активно проявило себя. Определенные предпосылки участия институтов гражданского общества в стабилизации общественно-экономического развития в России в кризисные периоды были уже наработаны в предшествующие годы. В частности, активно проявило себя добровольчество в России во время ликвидации пожаров в России в 2010 г., а 2018 г. в России был Годом добровольца, что позволило вовлечь в движение добровольчества множество людей и укрепить свой статус на официальном государственном уровне в качестве важного звена в цепи институтов гражданского общества.

По итогам выборочного исследования рабочей силы Росстатом было выявлено, что в 2016-2020 гг. происходил устойчивый рост численности населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в волонтерском движении. Так, в 2016 г. численность участников волонтерского движения составила более 1,44 млн человек, в 2017 г. – более 1,47 млн человек, в 2018 г. – более 1,53 млн человек, в 2019 г. – более 1,79 млн человек, в 2020 г. – 2,03 млн человек [Доклад..., www].

В период пандемии коронавируса Ассоциация волонтерских центров, движение «Волонтеры-медики» и Общероссийский народный фронт (ОНФ) инициировали и организовали общероссийскую акцию «МыВместе». Целью акции было предоставление всем желающим возможности оказать поддержку наименее защищенным категориям граждан. Каждый мог предложить помощь, записавшись волонтером или оставив заявку с указанием формата своего участия. Также реализовались проекты «Помощь специальным службам во время происшествий», «Волонтерская и благотворительная помощь тем, кто остался один», «Психологическая помощь на горячей линии», «Помощь врачам и больницам», в том числе автоволонтерство – помощь транспортом.

Во всех регионах России были созданы региональные штабы акции, координирующие деятельность субъектов, желающих оказать помощь. Работала единая федеральная горячая линия по приему обращений от людей пожилого возраста и маломобильных граждан.

Таким образом, во время пандемии существенно увеличился общественный запрос россиян на роль НКО и волонтеров в оказании помощи нуждающимся: 47% сограждан полагали, что находящимся в самоизоляции людям должны помогать волонтеры; 30% возлагали надежды на благотворительные фонды и общественные организации; 75% видели в этом ведущую роль государственных учреждений. Однако, когда речь заходила о том, кто реально помогал находящимся в самоизоляции людям, ориентация общественного мнения становилась иной: лишь 34% россиян ощущали помощь государства, а 45% и 14% указывали на реальные действия волонтеров и НКО соответственно [Мерсиянова, Иванова, 2021, 119].

В результате в России и в мире в период пандемии сложился ряд обстоятельств, способствовавших дальнейшему развитию благотворительности. Во-первых, наметилась социальная сплоченность гражданского общества и государства вокруг социальной политики в

преодолении негативных последствий коронакризиса. Во-вторых, в условиях ограниченных возможностей бюджета охват населения социальными программами расширился. Качество реализации социальных программ стало лучше, они стали доступными для населения, приспособились к специфическим вызовам кризиса. Это развитие сопровождалось масштабным применением информационных технологий.

Пандемия актуализировала решение проблем старения, миграции, отставания в технологическом развитии и т. д. Эти вызовы усилили значимость поиска и внедрения новых подходов в организации социальной политики. Увеличилась значимость различных решений в рамках парадигмы социального инвестирования: были приняты меры, направленные на повышение доступности и качества образовательных и медицинских услуг; были внедрены инструменты поддержки лиц, воспитывающих детей и ухаживающих за пожилыми и инвалидами; расширилась сфера применения социального контракта, увязывающего поддержку доходов с получением образования или занятостью. Пандемия коронавируса показала, что следует не просто перераспределять ресурсы в пользу бедных, но и создавать условия для снижения риска потери занятости и дохода [Синявская, 2021].

Многие монетарные меры, принимаемые в условиях пандемии на региональном уровне, являлись продолжением федеральных мер. Например, устанавливались повышенные региональные доплаты к федеральным пособиям. Практически во всех регионах нуждающимся категориям населения была предложена натуральная помощь, включающая продовольствие и товары первой необходимости. Основными адресатами региональной социальной поддержки выступали семьи с детьми, утратившие трудовой доход в результате увольнения или простоя граждане, работники здравоохранения, а также пожилые граждане. Лидерами по числу комплексных мер монетарной поддержки населения в пандемию стали регионы с высокими бюджетами (Москва, Московская и Ленинградская области), а также Ульяновская, Псковская области и Республика Крым [Там же, 52].

Однако для адаптации населения к кризисным условиям пандемии на региональном уровне применялись лишь частично монетизированные (льготный доступ к Интернету, средства индивидуальной защиты, телефоны доверия и др.), но главным образом немонетарные меры. В процессе развития второй и ожидания третьей волны пандемии ставка делалась на максимальное сохранение экономической активности населения за счет отказа от введения новых карантинных мер. Предполагалось, что сохранение деловой активности позволит выйти на траекторию восстановительного роста без дополнительных затрат бюджета.

По примеру федерального портала Госуслуг многие регионы оперативно расширили перечень и одновременно упростили ряд ключевых государственных услуг в цифровом формате, а также обеспечили их массовое использование гражданами. Так, на портале мэра Москвы появился раздел «Меры поддержки бизнеса», в рамках которого действовал специальный информационный проект «Коронавирус: важное для бизнеса».

Заключение

Необходимо отметить, что сегодня, несмотря на существующее мнение о том, российское государство слишком громоздкое, а гражданское общество слишком слабое, последние сыграли весьма значимую роль в преодолении кризисных явлений в обществе.

Библиография

1. Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2020 году. URL: www.aksp.ru/gu/obsch/sonko/inf_met_nko/04.pdf
2. Кордонский С.Г. Как устроена Россия. М., 2021. 312 с.
3. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. Сектор НКО и волонтерство: изменения на пути в посткризисную эпоху // Плаксин С.М., Жулин А.Б., Фаризова С.А. (ред.) «Черный лебедь» в белой маске. М., 2021. С. 117-148.
4. Синявская О.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальную политику в мире и в России // Плаксин С.М., Жулин А.Б., Фаризова С.А. (ред.) «Черный лебедь» в белой маске. М., 2021. С. 39-54.
5. Amstutz M.R. An introduction to political science. The management of conflict. Scott Foresman & Company, 1982. 454 p.
6. Bareket-Bojmel L. et al. Perceived social support, loneliness, and hope during the COVID-19 pandemic: Testing a mediating model in the UK, USA, and Israel //British Journal of Clinical Psychology. – 2021. – Т. 60. – №. 2. – С. 133-148.
7. Dahrendorf R. The modern social conflict: an essay on the politics of liberty. New York: Weidenfeld & Nicolson, 1988. 291 p.
8. Gelb A., Mukherjee A. Digital technology in social assistance transfers for COVID-19 relief: Lessons from selected cases //CGD Policy Paper. – 2020. – Т. 181.
9. Grumi S. et al. Depression and anxiety in mothers who were pregnant during the COVID-19 outbreak in Northern Italy: the role of pandemic-related emotional stress and perceived social support //Frontiers in Psychiatry. – 2021. – Т. 12.
10. Mariani R. et al. The impact of coping strategies and perceived family support on depressive and anxious symptomatology during the coronavirus pandemic (COVID-19) lockdown //Frontiers in Psychiatry. – 2020. – Т. 11. – С. 587724.

The role of civil society institutions in social support for citizens during the COVID-19 pandemic

Muradgadzhi O. Omarov

PhD in Political Science, Associate Professor,
Dagestan State University,
367000, 43a M. Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: Omarov@mail.ru

Mar'yam M. Kamilova

Master's Degree Student,
Dagestan State University,
367000, 43a M. Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: Omarov@mail.ru

Abstract

The article aims to examine the role and importance of Russian civil society during the COVID-19 pandemic. The authors of the article call the coronavirus pandemic a crisis and point out that it is necessary to start from understanding this phenomenon as a crisis affecting all spheres of society for a more detailed assessment of its development and impact on the social system. Mainly non-monetary measures were used at the regional level to adapt the population to the crisis conditions of the pandemic in the Russian Federation. During the development of the second and the expectation of the third wave of the pandemic, the emphasis was placed on the maximum preservation of

economic activities of the population by refusing to introduce new quarantine measures. It was assumed that maintaining business activities would allow the country to enter the trajectory of recovery growth without additional budget costs. The article pays attention to the fact that civil society institutions play an important role in the new conditions of socioeconomic development. The authors make an attempt to demonstrate the importance of the work of public organizations in the minimization of the risks of social crises, using the activities of charitable organizations as an example.

For citation

Omarov M.O., Kamilova M.M. (2022) Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v sotsial'noi podderzhke grazhdan v period pandemii koronavirusa [The role of civil society institutions in social support for citizens during the COVID-19 pandemic]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (3A), pp. 30-35. DOI: 10.34670/AR.2022.48.32.003

Keywords

Civil society, civil society institutions, pandemic, politics, charity.

References

1. Amstutz M.R. (1982) An introduction to political science. The management of conflict. Scott Foresman & Company.
2. Bareket-Bojmel, L., Shahar, G., Abu-Kaf, S., & Margalit, M. (2021). Perceived social support, loneliness, and hope during the COVID-19 pandemic: Testing a mediating model in the UK, USA, and Israel. *British Journal of Clinical Psychology*, 60(2), 133-148.
3. Dahrendorf R. (1988) The modern social conflict: an essay on the politics of liberty. New York: Weidenfeld & Nicolson.
4. Doklad o razvitii dobrovol'chestva v Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu [Report on the development of volunteerism in the Russian Federation in 2020]. Available at: www.aksp.ru/gu/obsch/sonko/inf_met_nko/04.pdf [Accessed 29/04/22].
5. Gelb, A., & Mukherjee, A. (2020). Digital technology in social assistance transfers for COVID-19 relief: Lessons from selected cases. CGD Policy Paper, 181.
6. Grumi, S., Provenzi, L., Accorsi, P., Biasucci, G., Cavallini, A., Decembrino, L., ... & Borgatti, R. (2021). Depression and anxiety in mothers who were pregnant during the COVID-19 outbreak in Northern Italy: the role of pandemic-related emotional stress and perceived social support. *Frontiers in Psychiatry*, 12.
7. Kordonskii S.G. (2021) Kak ustroena Rossiya [Russia is like that]. Moscow.
8. Mariani, R., Renzi, A., Di Trani, M., Trabucchi, G., Danskin, K., & Tambelli, R. (2020). The impact of coping strategies and perceived family support on depressive and anxious symptomatology during the coronavirus pandemic (COVID-19) lockdown. *Frontiers in Psychiatry*, 11, 587724.
9. Mersyanova I.V., Ivanova N.V. (2021) Sektor NKO i volonterstvo: izmeneniya na puti v postkrisisnuyu epokhu [The NGO sector and volunteering: changes on the way to the post-crisis era]. In: Plaksin S.M., Zhulin A.B., Farizova S.A. (eds.) "Chernyi lebed" v beloi maske [The "black swan" in a white mask]. Moscow, pp. 117-148.
10. Sinyavskaya O.V. (2021) Vliyanie pandemii COVID-19 na sotsial'nuyu politiku v mire i v Rossii [The impact of the COVID-19 pandemic on social policy in the world and in Russia]. In: Plaksin S.M., Zhulin A.B., Farizova S.A. (eds.) "Chernyi lebed" v beloi maske [The "black swan" in a white mask]. Moscow, pp. 39-54.